

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-176-189

БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МИРОВОСПРИЯТИИ МЫСЛИТЕЛЕЙ ПРОШЛОГО: АНАЛИТИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Завальнев В.И.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье описывается исторический характер феномена безопасности, неразрывно связанный с человеком как составная часть жизнеобеспечения. Этот феномен развивался, постепенно усложняясь, приобретая адекватный общественным отношениям социальный и политический смысл. На основе ретроспективного анализа проблемы безопасности в политическом мировосприятии мыслителей прошлого автор делает вывод, что она носит комплексный характер и имеет особенности разрешения в зависимости от исторического этапа развития общества. Но на любом отрезке времени сущность проблемы оставалась неизменной: обеспечение свободного развития каждого в условиях свободного развития всех.

Ключевые слова: личность, общество, государство, право, безопасность, политическое, демократия, модернизация.

SECURITY THROUGH THE POLITICAL WORLDVIEW OF THINKERS OF THE PAST: ANALYTICAL RETROSPECTIVE

V. Zavalnev

*Moscow State Regional University
10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article describes the historic nature of the phenomenon of security which is inextricably linked with a person as a part of his life support. The phenomenon was developing, gradually becoming more complex and acquiring social and political sense adequate to the public relations. After a brief retrospective analysis of the security problems through the political worldview of thinkers of the past, the author makes a conclusion that the issue of security is complex and has the features, depending on the historical stage of development of the society. But, no matter what historical period it was, its essence remained the same: to ensure free development of each person in conditions of free development of all.

Key words: personality, society, state, law, security, political, democracy, modernization.

Проблема безопасности являлась одной из ключевых проблем жизнеобеспечения социума во все времена. Однако особую актуальность она приобрела в современную эпоху – эпоху глобальных перемен и социальных рисков, когда нарастание социальной неопределенности и кардинальных перемен дошли до

критической отметки. Главная причина такого положения дел, по мнению одного из патриархов западной общественной мысли Э. Тоффлера, состоит в том, что «мир становится все более взаимосвязанным, а международная система – более комплексной, повышается ее уязвимость» [31]. Сегодня безопасность личности, общества, государства и глобальная безопасность находятся в теснейшей связи друг с другом. Террористические акты, происходящие по всему миру – наглядное тому подтверждение. Оптимизация и достижения баланса глобальной и индивидуальной безопасности – насущная задача современного социума.

О безопасности личности в различных ее ракурсах и представлениях написано очень много. Обобщающий вывод, следующий из исследований ученых, состоит в том, что феномен безопасности носит *исторический характер*. Неразрывно связанный с человеком как составная часть его жизнеобеспечения, он развивался вместе с ним, постепенно усложняясь и приобретая адекватный складывающимся общественным отношениям социальный и политический смысл. Уже в учениях древних мыслителей присутствуют основы осмысления безопасности государя и государства как условия безопасности подданных: справедливая организация управления в сословном обществе рассматривалась как необходимое условие безопасности всех социальных групп и слоев. Так, в древнеиндийских трактатах отмечалось, что «для всех неуклонно следующие присущей им дхарме, для варн и различных ашрам царь создан как охранитель» [13, с. 23-29]. В строгом соблюдении своего места в сословии

заклучалась основа нормального существования и безопасности самого государства и народа, поэтому правитель не должен был допускать каких-либо отклонений от установленного порядка, смещения каст и «нарушения своего закона живыми существами» [4, с. 18].

Эта мысль подчеркивается и в учении древнекитайского мыслителя Лао-цзы, который полагал, что правитель, постигший сущность дао (буквально – путь: нечто основополагающее всего мироздания и извечного порядка вещей, одна из главных категорий китайской философии, под которой обычно понимается основанный на морали социальный порядок), должен всегда поступать мудро, управляя государством в соответствии с этим жизненным принципом [17]. Другой великий китайский философ древности – Конфуций, считая основой социального порядка моральный идеал, также утверждал, что правитель (монарх-отец), проникнутый заботой о благе народа и о том, чтобы в обществе все было прочно и стабильно, должен требовать соблюдения каждым своих прав и обязанностей. «Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность» [18, с. 58].

Научные подходы к проблеме безопасности личности и государства впервые нашли свое отражение в трудах античных мыслителей – Платона («Государство», «Законы») и Аристотеля («Политика»). Безопасность личности мыслилась ими в неразрывной связи с безопасностью государства-полиса. Платон был первым древнегреческим мыслителем, обратившим внимание на диалектику безопасности личности

и государства: по его мнению, именно государство предоставляет личности возможность не одного лишь «... гоголого существования, но также обеспечение за всяким человеком всех благ жизни, приобретенных им законным трудом, безопасным и безвредным для государства» [25, с. 254-255]. Его концепция безопасности базировалась на двух наиболее важных категориях – «помощи» и «спасении», особо подчеркивая при этом роль образования, воспитания и нравственности граждан полиса [25, с. 275]. Одновременно Платон утверждал, что человек – существо несовершенное, его поведение может наносить вред как коллективной, так и личной безопасности. Поэтому вся его жизнедеятельность должна быть регламентирована различного рода предписаниями, дабы избежать свойственных для человеческой природы склонности к удовольствиям и совершению несправедливых поступков, наносящих ущерб общей безопасности. «Пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет более сплоченной и общей» [24, с. 406].

Особую роль нравственных начал в поведении личности в качестве основы обеспечения общей безопасности людей выделял и Аристотель. Как «существо политическое», тяготеющее к справедливости, каждый человек должен жить сообща по закону и праву, в которых только и может быть воплощен принцип социальной справедливости. В учении Аристотеля «понятие справедливости связано с представлением о государстве, так

как и право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [3, с. 378-380], поэтому все граждане должны быть «приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны» [3, с. 551]. В целом безопасность личности Аристотель рассматривал через образ политизированной культуры, функционирующей в условиях «правильного государственного устройства». В «неправильном государственном устройстве» допускаемая им социальная дифференциация (вплоть до существования рабов) и имущественное расслоение общества отрицательно влияют на безопасность в целом. «В тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей» [3, с. 302]. Именно поэтому Аристотель, разделяя точку зрения своего учителя, важную роль в обеспечении безопасности отводил (помимо государственно-территориального устройства) нахождение у власти средних слоев общества: «Наилучшее государственное общение то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или, по крайней мере, каждой из них в отдельности» [3, с. 307].

Схожие с Платоном и Аристотелем политические воззрения были свойственны для их последователей, видевших во властных отношениях и имущественном неравенстве главную угрозу безопасности личности и самого государства. Так, Диоген Лаэртский

призывал следовать разумной само-достаточности и самоограничению, являющимися наиболее важными условиями справедливых и нравственных отношений в обществе [10, с. 411]. Аналогичной точки зрения придерживались философы-стоики (Хрисипп, Марк Аврелий), видевшие возможность обеспечения личной безопасности только в коллективных действиях, объединенных в рамках государства. «В самом деле, от чего зависит наша безопасность, как не от того, что мы пользуемся взаимными услугами? Единственно благодаря этому обмену благодетелей. Разъедини нас – чем тогда мы будем? Добычей и жертвой животных» [35, с. 90].

Цицерон, отмечавший, что «каждому виду живых существ природа даровала стремление защищаться, защищать свою жизнь <...> избегать всего того, что кажется вредоносным, и приобретать, и добывать себе все необходимое для жизни» [33, с. 159-160], также осуждал отсутствие необходимого правопорядка для обеспечения безопасности. По его мнению, любая власть должна быть основана на законе: «Под действие закона должны подпадать все» [34, с. 134]. В основе соблюдения закона должны лежать четыре основных добродетели: познание истины (*cognitio*), справедливость и благотворительность (их Цицерон рассматривает в единстве – *iustitia* и *beneficentia*), величие духа (*magnitudo animi*), благопристойность и умеренность (*decorum*). Поставленная на первое место справедливость состояла в том, чтобы, во-первых, «никому не наносить вреда», во-вторых, «пользоваться общественной собственностью, как общественной, а частной – как

своей» [33, с. 172]. Оба вида собственности, закрепленные историческим актом, приобретают форму закона – нарушающий закон нарушает общую безопасность. (Однако во взглядах Цицерона на безопасность личности уже можно заметить исторически важное изменение: понятие безопасности личности сужается до физической безопасности власть имущих и безопасности их собственности [33, с. 172]).

В целом античные философы дают методологический образец подхода к феномену безопасности личности как фундаментальной ценности, неразрывно связывая ее со справедливым государственным устройством и деятельностью государства по ее обеспечению, предоставлению каждому одинаковых прав, свобод и гарантий их обеспечения. Безопасность личности рассматривалась ими в неразрывной взаимосвязи с безопасностью общества и государства. Что касается мыслителей Средневековья (Августин Аврелий, Фома Аквинский), то для них безопасность существовала только в единении с божественным началом, в гармонии с Богом, которая не дается изначально, но постигается человеком через следование христианским ценностям и добродетелям. По их глубокому убеждению, безопасность невозможна без божественного содействия и всеобъемлющей любви к ближнему, безусловного следования божественным догмам во имя спасения души. Из идеи любви к Богу рождается добродетель.

Так, согласно учению Августина о государстве, природа объединяет людей в семьи, но семья не может обеспечить полное удовлетворение всех материальных и духовных запросов людей,

тем более – социального порядка и безопасности. Чтобы обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность, необходимо государство. В работе «О граде Божьем» в зависимости от отношения к общему благу выделены два вида земных государств: происхождение первого является результатом насилия по отношению к человеку, второе – христианское – характеризуется заботой власти о подданных и обеспечении социального порядка [1].

Решающую роль в обеспечении безопасности личности и общества отводит государству в лице монарха и другой выдающийся мыслитель Средневековья – Фома Аквинский, подчеркивавший, что «всякое множество происходит от единства», объединенного на основе благодетели и не допускающего раздоров и волнений: «благая жизнь следует добродетели, ибо добродетельная жизнь есть цель человеческого объединения» [2]. Добродетель предписана Богом, который не творит зла: Бог – творец гармонии и добра, постоянно проявляющий заботу о людях. Поэтому наместнику Бога на земле – царю предписывается заниматься тем, чтобы в подчиненном ему множестве, во-первых, была установлена благая жизнь, во-вторых, чтобы установленная жизнь сохранялась и, в-третьих, улучшалась [2], а всем людям в целях собственной безопасности – чтить божественный миропорядок и христианские добродетели, обеспечивающие каждому сохранность и безопасность [15, с. 89].

Важный вклад в развитие взглядов на проблему безопасности государства, общества и личности внес Никколо Макиавелли. По его мысли, главной целью государства и одно-

временно основой его прочности являются безопасность и неизбежность частной собственности и имущества – главные блага свободы личности. «Человек, которого лишают какой-либо выгоды, никогда не забывает этого: достаточно малейшей надобности, чтобы напомнить ему это...» [14, с. 208]. Гарантом безопасности личности и общества выступает государство в лице его правителя. Однако для обеспечения безопасности правитель может использовать и аморальные методы и средства, действуя по принципу «победителя не судят»: «...пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность» [14, с. 212]. Поэтому не может существовать границ, разделяющих справедливое и несправедливое, человеческое и жестокое, дружественное и враждебное, возвышающее и позорное – все средства хороши, если они направлены на обеспечение безопасности государства.

Идеи Н. Макиавелли о частной собственности как фундаментальной основы государства, общества и личности и их безопасности нашли свое отражение во взглядах Жака Бодена, французского ученого и политика XVI в. По его мнению, государство, основанное на имущественном равенстве, не соответствует ни божественным, ни естественным законам развития общества. Разделение общества на бедных и богатых не просто традиционно: уравнивание их между со-

бой приведет к полному разрушению государства, поскольку «...утрачиваются какие бы то ни было узы, связывающие одного человека с другим» [5, с. 141-142].

Безопасность личности, рассматриваемая как функция государства в воззрениях средневековых мыслителей, в период Нового времени наполняется новым содержанием, связанным, прежде всего, с тем, что само государство начинает рассматриваться не как божественное установление, а как результат естественного развития общества, нашедший свое отражение в теории общественного договора. Важную роль в этом сыграл английский философ Томас Гоббс, в теории естественного права которого есть два наиболее важных положения: а) свобода делать все необходимое для самосохранения и запрет на все, что пагубно для жизни; б) выделение особой роли государства в обеспечении безопасности.

«Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю» [8, с. 138]. Только в этом случае достижима свобода воли или подлинная безопасность. Это положение о свободе воли как условии безопасности личности разделял Б. Спиноза, связывавший его с функционировани-

ем взаимосвязанных между собой институтов государства и гражданского общества, что отразило в понимании безопасности новые социально значимые аспекты [28, с. 207].

Анализируя положение Т. Гоббса «война всех против всех», один из самых влиятельных мыслителей прошлого, Джон Локк, пришел к выводу о том, что принуждение, насилие как инструменты государственной власти, являясь в определенных обстоятельствах необходимыми «для охранения и спокойствия народа», тем не менее являются наихудшими из всех средств и употреблять их следует весьма осторожно по двум причинам: во-первых, насилие есть то, от чего каждый человек стремится освободиться, во-вторых, применение насилия со стороны власти для обеспечения безопасности противоречит самому ее смыслу: «...применяя силу, правитель часто перечеркивает то, ради чего он призван трудиться, а именно всеобщую безопасность, <...> подрывая или нарушая безопасность любого из своих подданных ради защиты остальных, он ровно настолько же вступает в противоречие со своим же объявленным наперед намерением, в каковое должна входить только охрана людей...» [20, с. 79].

Новый – культурологический – подход к проблеме безопасности содержится в научных трудах еще одного английского философа и государственного деятеля нового времени – Ф. Бэкона. В работе «О смуте и мятежах» им раскрыта одна из важнейших угроз безопасности – уровень легитимности политической власти, наглядно характеризующий степень доверия/недоверия ей со стороны основной массы

населения, когда: а) обладатель высшей государственной власти перестает быть авторитетом; б) недовольство властью возрастает как среди простого народа, так и высших слоев общества; в) высшие слои выходят из-под контроля власти и готовы использовать недовольство масс, чтобы выступить самими [6, с. 380-382]. По мнению Бэкона, удержать государственную власть помогает только культура безопасности, обеспечивающая необходимую степень прозрачности и открытости деятельности власти, инициирующей диалог с обществом.

В трудах французских просветителей (Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, П. Гольбах) эта идея «культуры безопасности» нашла свое дальнейшее развитие: безопасность личности стала рассматриваться в неразрывной связи с безопасностью общества. Так, П. Гольбах утверждал, что важнейшей основой безопасности личности является утверждение жизнеутверждающих отношений между человеком, обществом и государством. Этому должны способствовать правильно выбранный политический вектор деятельности официальной власти, предполагающий некое равновесие с допустимой свободой личности во всех сферах ее жизнедеятельности [9].

В трудах представителей немецкой классической философии (И. Кант, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель), несмотря на выделение ими разных элементов и механизмов обеспечения безопасности личности (государство и гражданское общество в концептуальных положениях И. Канта как ее институциональные гарантии [16]; ограничение свободы действий субъектов политической деятельности в интересах социальной

стабильности и безопасности общества в целом, предложенное И. Фихте [32]; государство как главный гарант «интегральной» безопасности (безопасности личности, общества и самого себя) Г. Гегеля [7]) главная роль отведена государству, без которого в обществе невозможно достичь социального порядка – стержня любого вида безопасности. Классовый характер обеспечения безопасности подчеркивается в работах выдающегося немецкого философа-экономиста К. Маркса. В его политической философии краеугольным камнем безопасности является социальное неравенство людей: рынок и свободная конкуренция изначально в силу своей природы не могут обеспечить безопасность личности, прежде всего, в экономических отношениях, которые являются первичными по отношению ко всем другим социальным отношениям [21].

Особо следует остановиться на социологическом подходе – классическом этапе в эволюции социальных знаний о безопасности. Впервые он был осуществлен в трудах французского ученого О. Конта. По его мнению, безопасность личности – понятие комплексное, в котором находит свое отражение вся совокупность общественных отношений, личностных качеств, мировоззренческих позиций и социальных чувств человека. Объединяющим началом для них выступает церковь, в деятельности которой О. Кант видел фундаментальную основу нравственного поведения всех членов общества как главного условия достижения социальной гармонии. Собственно, сама философия позитивизма О. Конта есть своего рода попытка «врачевания общества» и придания

ему безопасного вектора развития. Ключевыми понятиями здесь являются «порядок» и «прогресс», специфика функционирования которых состоит в том, чтобы порядок не приводил к застою, а прогресс – к революционной анархии [12].

Важное место в социологическом подходе к проблеме безопасности занимают также концептуальные положения английских философов Дж. Милля, Г. Спенсера, французского социолога Э. Дюркгейма. В работе Дж. Милля «О свободе» безопасность определена как «интерес высшего порядка», самый важный из всех интересов: «... без безопасности не может обойтись ни один человек, – она есть первое условие нашего избавления от всякого рода зол, – без нее мы жили бы только настоящей минутой и за пределами этой минуты благо не имело бы для нас никакой цены...» [22, с. 176]. Соотечественник Милля, Г. Спенсер, понимание безопасности связывал с «социальным равновесием», под которым подразумевал результаты компромиссов, приспособленческих действий людей и социальных институтов. Функционирование последних, по его мнению, является необходимым условием самоорганизации людей для их совместных действий, превращающих их из асоциальных существ в социальные, способные к коллективным действиям, включающим обеспечение безопасности каждого [27, с. 69].

Эмиль Дюркгейм, один из самых видных западных социологов конца XIX – начала XX вв., проблему безопасности связывал с обеспечением порядка в обществе, недопущением хаоса, социальных беспорядков и революционных изменений, достигаемых по-

средством проведения реформ и совершенствования функционирования институтов государства и общества. По мнению знаменитого французского социолога, в основе появления и роста угроз безопасности лежит динамика социальных ценностей, вызывающая изменения в общественном сознании и меняющая нормы поведения людей. Переоценка ценностей ведет к дисбалансу всей общественной системы, от которой, как круги по воде, расходятся изменения нравственных норм поведения людей, исчезновение «культурных рамок», в результате чего формируется «аномичное общество» [11, с. 36-37]. Спасти общество от действия подобных угроз и опасностей может только государство. Однако оно же, по мысли Э. Дюркгейма, может и само угрожать безопасности личности вследствие усиления (тотальности) контроля за ее поведением, следовательно, здесь необходимы и иные – общественные – структуры (институты гражданского общества), занятые в соблюдении государством всеобщих прав и свобод человека и гражданина [11, с. 36-37].

Свой вклад в понимание проблем безопасности личности и общества внесла и отечественная социологическая наука конца XIX – начала XX вв. (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, П.Б. Струве, П.А. Сорокин), активная гражданская позиция которых была направлена на социальные преобразования современного российского общества. Так, в теории солидарности П.Л. Лаврова основная задача социологии состоит в выявлении и объяснении форм и условий солидарности людей как основы их совместного общежития. В его понимании, «общественная солидарность есть осознание

того, что личный интерес совпадает с интересом общественным, что личное достоинство поддерживается лишь путем поддержки достоинства всех солидарных с нами людей» [19, с. 75-76]. Иными словами, сознательная солидарность личности есть основа безопасности, которая не может быть отделена от безопасности общества, внутри которого личность находится, живет и действует соответственно с принятыми в нем нормами и правилами. (Эти взгляды П.Л. Лаврова разделял и известный отечественный историк и социолог М.М. Ковалевский, видевший содержание общественного прогресса в «расширении сферы человеческой солидарности».)

Представитель субъективного направления в отечественной социологии Н.К. Михайловский, критикуя в своей концепции общественного прогресса социал-дарвинизм Г. Спенсера, указывавшего на сходство прогресса в природном (органическом) и социальном мирах, особо выделял предложенный им самим закон борьбы личности за свою индивидуальность. Суть его состоит в том, что личность и общество взаимодополняют друг друга: все, что подавляет личность, вредно для общества, а всякое подавление общественного – вредно для личности. Поэтому главным способом борьбы личности за свою индивидуальность является не насилие над другими, а самосовершенствование себя. Согласно же дарвинистскому всеобщему закону борьбы за выживание, жизнеспособными являются лишь те организмы, которые приспособляются к окружающей среде. Но в этом случае, как показывает исторический социальный опыт, вопрос о самосовершенствовании

личности будет напрямую зависеть от степени ее приспособленности к среде, что говорит в пользу прагматических, посредственных личностей, и не оставляет места для талантливых и одаренных, которые борются за приспособление окружающей среды к себе – основополагающее условие борьбы личности за свою индивидуальность. Полагая идеалом прогресса гармонически развитую личность, Н.К. Михайловский считал, что такой идеал может быть достигнут лишь при условии совпадения генеральных векторов развития личности и общества, взаимном стремлении к социальному идеалу – к собственному совершенству личности и совершенству общества [23, с. 65-66].

В противовес сторонникам субъективного метода в социологической науке выступали представители буржуазного либерализма (легальные марксисты), связывавшие будущее безопасное общество с усовершенствованным (цивилизованным) капитализмом. Так, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, подчеркивая определяющую роль общечеловеческих ценностей и интересов, необходимость реального обеспечения прав и свобод граждан, отрицали революционные методы их достижения, поскольку они могут разрушить общество «до основания», уничтожая при этом и какие-либо гарантии безопасности личности, а наиболее приемлемой формой считали проводимые сверху социальные реформы [29, с. 204-206; 30, с. 207-210].

Один из виднейших классиков социологии, американский социолог русского происхождения П.А. Сорокин, рассматривая проблемы безопасности жизнедеятельности общества и

пути достижения общества социальной справедливости, утверждал, что общество без социального расслоения и социального неравенства недостижимо: при любой организации общества будет существовать социальная дифференциация. Однако ее наличие не означает, что общество не способно разумно соорганизоваться и достигнуть социальной стабильности и процветания, но в механизмах их достижения исключена революция, несущая с собой насилие, жестокость, ограничение свободы личности. «Великой трагедией» называл П.А. Сорокин революцию, ломающую существующий социальный порядок и приводящую к господству одного класса над другим. Прогрессивное общественное развитие должно идти эволюционным путем, через расширяющиеся социальные взаимодействия многих индивидов на основе совместно выработанных норм поведения, предопределяющих развитие должного и запрет асоциального. Нравственные идеалы и ценности такой общности людей, которые П.А. Сорокин считал «основой и фундаментом всякой культуры», – лучшая гарантия общей и индивидуальной безопасности. При этом государство должно предоставить каждому члену общества равенство всех перед законом, справедливое распределение социальных (здравоохранение, образование, наука и т.д.) и политических (свобода слова, печати, собраний, объединений и т.д.) благ, открывающие реальные возможности к многообразному творческому самовыражению личности [26, с. 259-260].

Таким образом, краткий ретроспективный анализ проблемы безопасности в политическом мировосприятии

мыслителей прошлого дает возможность сделать следующие обобщения.

Проблема безопасности носит комплексный характер и имеет особенности своего обеспечения в зависимости от исторического этапа развития общества, но на любом из них сущность ее оставалась неизменной: обеспечение свободного развития каждого в условиях свободного развития всех. Главную роль в этом обеспечении призвано играть государство, одной из основных задач которого является сохранение социальной целостности, стабильности и социального порядка, конституционных прав и свобод граждан как важнейших условий индивидуальной и общей безопасности.

В историческом плане условно можно выделить несколько этапов становления и развития понятия безопасности личности:

а) древневосточный этап, дающий представление об истоках, предпосылках, объективных и субъективных условиях возникновения знаний о безопасности природы, общества и человека как одной из первичных форм закрепления опыта взаимодействия человека с окружающим миром;

б) античный этап, характеризующийся, с одной стороны, обеспечением условий для самосохранения личности, степени ее защищенности от различных угроз природного и социального характера, с другой – правовой регламентацией основ жизнедеятельности личности и общества;

в) средневековый (христианский) этап, вбирающий в себя общие представления о безопасности как о божественной предопределенности человеческого бытия и необходимости соблюдения нравственно-этических

норм поведения в соответствии с догматами веры;

г) просветительский этап, дающий возможность перейти к проблеме обеспечения безопасности личности с точки зрения естественного права, общественного договора;

д) классический, связанный с осознанием нравственных императивов, тождеством бытия и мышления, самоценности личности и возрастающей роли государства в создании благоприятных условий для свободного развития каждого;

е) социологический этап, включающий в себя развитие положений о безопасности личности посредством организации жизнедеятельности об-

щества в «состоянии равновесности», «общественной солидарности», сопряженности с «прогрессивным общественным развитием».

В качестве общего итога в историческом осмыслении меняющегося содержания категории «безопасность личности» могут быть использованы положения о совершенствовании условий выживания, устранении возможных рисков в результате социальных преобразований (реформ и революций), ожидания защищенности со стороны институтов государства и гражданского общества, без взаимодействия с которыми любая теоретическая конструкция безопасности личности теряет всякий смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Аврелий. О граде Божьем // Августин. Творения: в 4-х т. [Т. 3-4]. СПб.: Алетейя, 1998. 600 с.; 592 с.
2. Трактат Фомы Аквинского «О правлении государей» // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л.: Наука, 1990. С. 217-244.
3. Аристотель. Политика // Собр. Соч. в 4-х томах [Т. 4]. М.: Мысль, 1984. 830 с.
4. Архашастра, или Наука политики. М.: Ладомир, 1993. 796 с.
5. Боден Ж. Шесть книг о государстве / Антология мировой философии: в 4-х томах [Т. 2]. М.: Мысль, 1970. 776 с.
6. Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х томах [Т. 2]. М.: Мысль, 1972. 582 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 528 с.
8. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2-х томах [Т. 2]. М.: Мысль, 1991. 731 с.
9. Гольбах П. Естественная политика или беседы об истинных принципах управления // Избранные произведения: в 2-х томах [Т. 2]. М.: Соцэкгиз, 1963. 688 с.
10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев, 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.
11. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, способ, назначение /пер. с фр., составление, послесловие и примечание А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
12. Елфимова О.С. Концептуализация представлений о безопасности в социологической науке // Ученые записки Курского гос. ун-та [электронный журнал]. 2013. № 3 (Ч. 1). 8 с.
13. Законы Ману. М.: Ладомир, 1992. 320 с.
14. История политических и правовых учений / под ред. проф. О.Э. Лейста. М.: Зерцало, 2000. 688 с.
15. Карсавин Л. Философия истории. СПб.: Питер, 1993. 101 с.
16. Кант И. Сочинения: в 6-и томах [Т. 6]. М.: Мысль, 1966. 743 с.

17. Лао-цзы. Дао дэ цзын, или Писание о нравственности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994.
18. Конфуций. Я верю в древность. М.: Республика, 1995. 384 с.
19. Лавров П.Л. Избранные произведения: в 2-х томах [Т. 1. Философия и социология]. М.: Мысль, 1965. 739 с.
20. Локк Дж. Сочинения: в 3-х томах [Т. 3]. М.: Мысль, 1988. 668 с.
21. Маркс К. Капитал [Т. 1] / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. [Т. 23]. М.: Политиздат, 1960. 900 с.
22. Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе / 3-е изд. СПб.: , 1900. 482 с.
23. Мишинева А.К. «Теория прогресса» П.Л. Лаврова и «формула прогресса» Н.К. Михайловского // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11 (№ 1). С. 64-69.
24. Платон. Законы // Собр. Соч. в 4-х томах [Т. 4]. М.: Мысль, 1994. 654 с.
25. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.
26. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
27. Спенсер Г. Синтетическая философия (в кратком изложении Г. Коллинза). М.: Ника-Центр, 1997. 512 с.
28. Спиноза Б. Этика. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001. 336 с.
29. Струве П.Б. Интеллигенция и народное хозяйство // Интеллигенция. Власть. Народ (Русские источники современной социальной философии) / ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Наука, 1992. 341 с.
30. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации / 5-е изд. М.: Лань, 2010. 495 с.
31. Тоффлер Э. Власть во всем мире не оказалась готова к новым требованиям времени / НГ-Политика (специальный выпуск: Ярославский форум-2009) // Независимая газета. 2009. 8 июня.
32. Фихте И.Г. Сочинения. М.: Наука, 2008. 752 с.
33. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. 248 с.
34. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Ладомир, 1994. 224 с.
35. Эпиктет. Избранные мысли римского мудреца. Афоризмы // Римские стоики. М.: Республика, 1995. С. 206-270.

REFERENCES

1. Avgustin Avrelii. O grade Bozhiem // Avgustin. Tvoreniya: v 4 t. [T. 3-4] [About the God's hail // Aurelius Augustine. Creations: in 4 vol. [Vol. 3-4].], Aleteiya, 1998. 592 p.
2. Traktat Fomy Akvinskogo «O pravlenii gosudarei» [Thomas Aquinas. Treatise "On Board of Sovereigns"] // Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoi Evrope (VI-XVII vv.) [Political structures of feudalism in Western Europe (VI-XVII centuries)]. L., Nauka, 1990. pp. 217-244.
3. Aristotel' Politika // Sobr. soch. v 4-kh tomakh [T. 4] [Aristotle. Policy // Coll. works. in 4 volumes [Vol. 4]]. M., Mysl', 1984. 830 p.
4. Artkhashastra, ili Nauka politiki [Arthashastra, or Science of Policy]. M., Ladomir, 1993. 796 p.
5. Boden ZH. S Hest' knig o gosudarstve / Antologiya mirovoi filosofii: v 4-kh t [T. 2] [Boden J. Six Books on the State / Anthology of World Philosophy: in 4 vol. [Vol. 2]]. M., Mysl', 1970. 776 p.
6. Bekon F. Sochineniya: v 2-kh t. [T. 2] [Bacon F. Works: in 2 vol. [Vol. 2]]. M., Mysl', 1972. 582 p.
7. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava [Hegel G.W.F. The Philosophy of Law]. M., Mysl', 1990. 528 p.
8. Gobbs T. Levafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo // Gobbs T. Sochineniya: v 2-kh t. [T. 2] [Leviathan, or the Matter, Form and Power of the Church and Civil State / T. Hobbes. Works: in 2 vol. [Vol. 2]]. M., Mysl', 1991. 731 p.

9. Gol'bach P. Estestvennaya politika ili besedy ob istinnykh printsipakh upravleniya // Izbrannye proizvedeniya: v 2-kh tomakh [T. 2] [Holbach P. Natural Policy or Discussions about the True Principles of Management // Selected works: in 2 volumes [Vol. 2]]. M., Sotsekgiz, 1963. 688 p.
10. Diogen Laertskii O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov [Diogenes Laertius. About Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers]. M., Mysl', 1986. 571 p.
11. Dyurkgeim E. Sotsiologiya: ee predmet, sposob, naznachenie [Durkheim E. Sociology: its Subject, Method, Purpose]. M., Kanon, 1995. 352 p.
12. Elfimova O.S. Kontseptualizatsiya predstavlenii o bezopasnosti v sotsiologicheskoi nauke [Conceptualization of Perceptions of Security in Social Science] // Uchenye zapiski Kurskogo gos. un-ta [elektronnyi zhurnal]. 2013. no. 3 (Part 1). pp. 8.
13. Zakony Manu [Laws Of Manu]. M., Ladomir, 1992. 320 p.
14. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii [The History of Political and Legal Doctrines]. M., Zertsalo, 2000. 688 p.
15. Karsavin L. Filosofiya istorii [Philosophy of History]. SPb., Piter, 1993. 101 p.
16. Kant I. Sochineniya: v 6-i t. [T. 6] [Kant I. Works: in 6 vol. [Vol. 6]]. M., Mysl', 1966. 743 p.
17. Lao-tszy. Dao de tszyn, ili Pisanie o npravstvennosti [Lao-tzu. The Dao de Zhing, or the Scripture about the morality]. Rostov-on-Don, Phoenix, 1994.
18. Konfutsii. Ya veryu v drevnost' [Confucius. I Believe in the Antiquity]. M., Respublika, 1995. 384 p.
19. Lavrov P.L. Izbrannye proizvedeniya: v 2-kh t. [T. 1. Filosofiya i sotsiologiya] [Selected works: in 2 vol. [Vol. 1. Philosophy and sociology]]. M., Mysl', 1965. 739 p.
20. Lokk Dzh. Sochineniya: v 3-kh t. [T. 3] [Locke J. Works: in 3 volumes [Vol. 3]]. M., Mysl', 1988. 668 p.
21. Marks K., Engel's F. Kapital [T. 1] / Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. [T. 23] [The Capital [Vol. 1] / Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. [Vol. 23]]. M., Politizdat, 1960. 900 p.
22. Mill' Dzh. S. Utilitarizm. O svobode [Utilitarianism. About Freedom]. SPb., 1900. 482 p.
23. Mishineva A.K. «Teoriya progressa» P.L. Lavrova i «formula progressa» N.K. Mikhailovskogo ["Theory of Progress" by P. L. Lavrov and "Formula of Progress" by N.K. Mikhailovskii] // Vestnik MGTU. 2008. Vol. 11. pp. 64-69.
24. Platon. Zakony // Sobr. soch. v 4-kh t. [T. 4] [Plato. Laws // Coll. works in 4 vol. [Vol. 4]]. M., Mysl', 1994. 654 p.
25. Platon. Dialogi [Plato. Dialogues]. M., Mysl', 1986. 607 p.
26. Sorokin P.A. CHelovek. TSivilizatsiya. Obshchestvo [People. Civilization. Society]. M., Politizdat, 1992. 543 p.
27. Spenser G. Sinteticheskaya filosofiya (v kratkom izlozhenii G. Kollinza) [Synthetic Philosophy (in brief by G. Collins)]. M., Nika-TSentr, 1997. 512 p.
28. Spinoza B. Etika [Ethics]. Mn, Kharvest; M., AST. 2001. 336 p.
29. Struve P.B. Intelligentsiya i narodnoe khozyaistvo // Intelligentsiya. Vlast'. Narod (Russkie istochniki sovremennoi sotsial'noi filosofii) [The Intellectuals and the National Economy // The Intelligentsia. Power. Nation (Russian Sources of Modern Social Philosophy)]. M., Nauka, 1992. 341 p.
30. Tugan-Baranovskii M.I. Sotsial'nye osnovy kooperatsii [Social Bases of Cooperation]. M., Lan', 2010. 495 p.
31. Toffler E. Nezavisimaya gazeta. Politika (spetsial'nyi vypusk: Yaroslavskii forum-2009), 2009. June 8th. [The World Power Has Turned to Be Unprepared for the Demands of the Time/ Politics (Special Issue: 2009 Forum in Yaroslavl)].
32. Fikhte I.G. Sochineniya [Works]. M., Nauka, 2008. 752 p.

33. Tsitseron. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh [Cicero. On Old Age. On friendship. On responsibilities]. М., Nauka, 1974. 248 p.
34. Tsitseron. Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh [Cicero.Dialogs. On State. On Laws]. М., Ladomir, 1994. 224 p.
35. Epiktet. Izbrannye mysli rimskogo mudretsa. Aforizmy [Epictetus. Selected Thoughts of the Roman Sage. Aphorisms] Rimskie stoiki [The Roman Stoics]. М., Respublika, 1995. pp. 206-270.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Завальнев Вячеслав Игоревич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: v.zavalnev@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zavalnev Vyacheslav I. – post-graduate student of the department of Politology and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: v.zavalnev@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Завальнев В.И. Безопасность в политическом мировосприятии мыслителей прошлого: аналитическая ретроспектива // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 176-189.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-176-189.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Zavalnev. Security through the political worldview of thinkers of the past: analytical retrospective // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 176-189.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-176-189